

*ПИСАТЕЛЬ И ВРЕМЯ

Сов. Белоруссия - Минск. - 1991. - 25 марта

Зачарованные смертью

Светлана Алексиевич, автор книг «У войны не женское лицо», «Последние свидетели», «Цинковые мальчики», начала работу над новым произведением. Пока в название вынесены слова Э. Фромма о самоубийцах — «зачарованные смертью». Книга, как и все предыдущие, — документальная.

— Внимательный читатель, знакомясь с газетной хроникой, давно обратил внимание на резко возросший уровень не только уголовных преступлений, но и самоубийств. Вы решили пристальнее рассмотреть причины этого печального явления?

— Альберт Камю говорил: есть лишь одна по-настоящему серьезная философская проблема — проблема самоубийства.

Попытка разобраться, почему человек сводит счеты с жизнью, что его толкает на этот шаг, очевидно, даст нам возможность лучше понять себя и время. Борясь не одно десятилетие за выживание, люди в нашей трагической стране еще не осознали в полной мере, что накатывается одна из самых обвальных волн массовых самоубийств, вобравших в себя следствия всех периодов нашей новейшей истории.

Судите сами. Три года назад статистика отмечала 60 тысяч самоубийств ежегодно. В прошлом году уже — 80. Это больше, чем погибших в автомобильных катастрофах, других уголовных элементов. По количеству самоубийств мы выходим на первое место в мире. Между тем патриархальная Россия, провозглашавшая самоубийство пороком, занимала последнее место в Европе по количеству самоубийств. На каждые 100 тысяч населения их приходилось всего 3—4 в год.

— Вы уже соприкоснулись с материалом. Ваши первые выводы о причинах возросшей волны горестной статистики?

— Уходит в историю огромный социалистический материк, пролетарская Атлантида с безумной мужицкой жаждой рая на земле. Уходит залитая кровью, застланная человеческими костями великая идея, безумный опыт, проведенный над гигантским количеством народа. Общество выходит из этого эксперимента, как из-под наркоза — трудно и мучительно. А впереди его ждет беспощадная реальность. Придется ведь признать и заявить вслух всем и главное себе: я сжигаю все, чему поклонялся, а поклонялся всему, что сжигал...

70 лет мы убеждали себя и других, что мы самые лучшие в мире, добрые, гуманные, сильные. Оказалось, что это миф. Что мы знали о себе? Практически ничего. Идеология создала искусственную среду, лишила нас способности мыслить. В этих условиях был выращен «хомо советикус», особый человеческий тип. Сейчас происходит крушение тоталитарной системы. Процесс болезненный. Вот на этом переломе я и пытаюсь выяснить, что это был за человек.

Через коммунистическое чистилище прошло 5—7 поколений людей. Это наши отцы и деды. Они не были ущербными, глупыми людьми. Но что же их заставило стать рабами идеи? Какие обряды рабства применялись к ним идеологией, каков был механизм внушения идей, как достигалась гипнотическая сила постулатов? И вот сейчас эти люди, воспитанные на словесном идеализме, поверившие в мечту и вдруг утратившие ее, — не выдерживают.

Старый партиец вскрывает себе вены, потому что в родном городе демонтирован памятник Ленину, а вместе с исчезнувшим монументом рухнул мир его представлений. Шестнадцатилетняя девочка приняла смертельную дозу лекарств, так как действительность не такова, как ее рисовали в школе. Молодой парень пытается сжечь себя на площади — сосед-кооператор купил «Мерседес» — протест против коммерциализации жизни. Маршал вешается в шкафу своего кабинета, оставляя обращение к Верховному Совету, партийный чиновник высокого ранга выбрасывается с 8-го этажа, унося тайны денежных вкладов КПСС...

Я пытаюсь проследить судьбы людей, которые поставили знак равенства между идеей и жизнью. Кого-то из них спасли обстоятельства — я разговариваю с этими людьми, кто-то исчез, тогда я даю версии их поступка через мнения близких, единомышленников.

— Ну а какие «обряды рабства», мифы нашей былой жизни выступили перед вами наиболее ярко из прошлого, что вас более всего шокирует сегодня?

— Чтобы изучить этот период, я пошла в библиотеки. Меня интересовали 30—40—50-е годы. Внимательно изучала периодику, литературу, просмотрела десятки киножурналов, художественных кинолент этого периода. И что же обнаружила? Ни журналистика, ни литература, ни кинематограф не отражали в те десятилетия реалий жизни. Передо мной предстала голая идеология, ее анекдоты, предрассудки, цитаты, посту-

латы — короче все, кроме правды жизни. Особенно поразила литература того периода: Gladkov, Serafimovich, Furmanov, Gorkiy (исключение, пожалуй, только «Тихий Дон» Шолохова) — все написанное было талантливым исполнением соцзаказа, но не отражением реальной жизни людей, не истинным показом принадлежащего тебе времени, в котором литератор обязан был разобраться, что-то понять и рассказать об этом другим.

Как ни печально признавать, но интеллигенция вошла в сговор с системой. Кто сознательно, а кто-то, я не исключаю, и бессознательно. Страшно убеждаться, переворачивая страницы иллюстраций, в том, что совесть нации — писатели превратились в подручных партии, ее приводные ремни...

Конечно, о соцреализме, разоблачении этого метода я читала достаточно много квалифицированных статей, но эмоционально, глубоко осознала произошедшее, когда сама занялась изучением этого периода.

Кроме того, я с ужасом поняла, что наша идеология тонатологична (тонатология — наука о смерти). Разве что-нибудь другое, как не зачарованность смертью, на протяжении 70 лет внушалось нашей философией, литературой, учебниками? Можно ли иначе, как не тонатологией назвать идеологию, где человек был средством, удобрением, навозом для истории. Его никто и никогда не учил швейцеровскому благоговению перед жизнью, перед тайнами бытия, зато натаскивали на преклонение перед идеей, учили жертвовать, умирать, убивать во имя очередного исключительно ценного постулата. Неуважение к своей и чужой жизни называли героизмом. А ведь мудрецами сказано: «Живущий несравним». Это значит — человек больше, выше любой идеи. Так пусть падут боги, потребовавшие таких жертв!

— В своих книгах вы всегда жестко ставили проблемы. В них не было снисхождения даже к общепринятым жертвам. Далеко не каждый способен воспринимать такой стиль...

— Я хочу, чтобы общество поняло, что не только политики, но и каждый повинен в трагедии нашего государства. А то ведь и по сей день мы стремимся найти персонализированного виновника, тем самым пытаемся снять с себя личную ответственность.

Совсем недавно меня как автора «Цинковых мальчиков» пригласили в «Крок» для разговора о судьбе афганцев. Беседа закончилась тем, что и матери погибших ребят, и сами афганцы пришли к выводу: бытующее в обществе равнодушие, забвение солдат последней войны — результат моей книги. Это я, мол, развенчала образ интернационалистов.

Ни в коем случае не сужу матерей, их страдания велики: одни потеряли детей — горе неутешно, другие постоянно слышат, что сыновья участвовали в несправедливой войне. Это тоже нелегко. Но как бы больно ни было, нам надо учиться смотреть правде в глаза и видеть реальность. Надо научиться думать самостоятельно, спрашивать с себя. Да, допустили участие в чудовищной войне на чужой территории. Да, не прозрели, позволили себя обмануть — значит, надо поставить заслон государственному самоуправству, значит, надо создавать альтернативные системы в обществе, способные анализировать, толковать действия правительства, предупреждать их.

А то ведь до сих пор, как это ни печально, актуальна мысль Чаадаева о том, что «в самой природе русского человека бытует немота, безгласие, неосознание самого себя». Это слышать безотраднo, тем более, ведь мало что изменилось — мы по-прежнему в большинстве своем живем, опираясь на лагерный опыт. Он же ни к «светлому будущему», ни даже к нормальной жизни не выведет...

— Человеческий опыт отражает действительность. Были лагерные условия — появился и лагерный опыт. А нынешняя действительность какой, на ваш взгляд, нарабатывает опыт?

— Мы сейчас находимся на стадии переходного периода. А вообще начался процесс обуржуазивания общества. От тоталитарного сознания начинаем переходить к индивидуальному. Созреть ему, уверовать в себя поможет частная собственность. Именно она, через экономическое достоинство, приведет людей к осознанию собственной значимости, ценности. Мы рано или поздно войдем в цивилизованный мир. Мы будем другие. И потому художнику надо правдиво запечатлеть, какими были поколения репрессий, оттепелей, застоев...

Беседовала Ирина ГУРИНОВИЧ.
Фото Олега СИЗА.